

ДОКУМЕНТАЛЬНЫЙ ТЕКСТ В ЛИТЕРАТУРНОЙ ТРАДИЦИИ ПЕРЕХОДНОГО ВРЕМЕНИ (К ВОПРОСУ ОБ ЭВОЛЮЦИИ ДОКУМЕНТАЛЬНЫХ ЖАНРОВ В ИСТОРИКО-ЛИТЕРАТУРНЫХ УСЛОВИЯХ ВТОРОЙ ПОЛОВИНЫ XVII в.)

Статья посвящена вопросу взаимодействия в русской книжности XVII в. документального и литературного начал. Предметом изучения является особый жанр книжности Древней Руси – «чиновник», в конкретном случае «Чин свадебный», который содержит подробное описание проведения свадебного обряда. На примере книжных памятников XVII в. рассмотрено, как документальный жанр в результате историко-литературных процессов, происходивших в переходный период, постепенно обретал художественные признаки. Особое внимание уделено сочинению Григория Котошихина «О России в царствование Алексея Михайловича» (1666–1667), ранее широко не исследовавшееся в отечественной медиэвистике.

Ключевые слова: русская литература второй половины XVII в.; документальный жанр и литература; поэтика древнерусской литературы; авторское начало в древнерусской литературе.

Церемониальный мир XVII в. богат и разнообразен обилием обрядов, имевших как светскую, так и религиозную тематику. Столь же ярким является и описание ритуалов, представленных в особой жанровой форме средневековой книжности – «чиновниках», содержащих подробное изложение процедуры организации и проведения определенного церемониального действия. В условиях перехода литературы от Средневековья к Новому времени исследование книжных текстов, принадлежащих данному жанру, становится актуальным в силу того, что на их примере можно проследить характер взаимодействия двух традиций: документальной и литературной.

«Чиновники» как особый книжный жанр древнерусской литературы («тексты-ритуалы») в ее переходный период находились в динамике и подвергались трансформации. Причины жанровых изменений в первую очередь связаны с подвижностью того или иного обряда / ритуала, требовавшего новой формы его вербализации. Создававшийся новый мир в изменяющихся исторических условиях должен быть явлен посредством слова, которое установит и новый «чин», порядок, новый церемониал, прочитываемый как особый семиотический текст.

Вторая половина XVII в. (эпоха правления царя Алексея Михайловича) в российской истории ознаменована утверждением новой государственной идеологии, нацеленной на установление и укрепление абсолютизма. Алексей Михайлович активно проявлял инициативу во всех сферах государственной деятельности. Живой интерес монарха к делам внутренней и внешней политики приводил к составлению новых или к редактированию уже ранее существовавших церемониальных действий («чинов»), к их подробному описанию в определенных жанровых формах документальной книжности – «чиновниках».

Существование такого редактирования ряда церемониалов и, как следствие, составление их новых текстовых вариантов позволяют поднять проблему необходимости исследования места и роли «чиновников» не только в истории отечественной культуры, но и литературы, определения их места в историко-литературном процессе переходного периода. Критерием определения значения жанровой формы может стать само слово, используемое в вербальной организации

церемониала и фиксирующее его в книжном варианте, а также рассмотрение эволюции отдельных «чиновников» в историко-литературном процессе, их переход из разряда документальных по своей природе текстов в произведения, имеющие признаки художественности. Одним из таких «чинов», который в переходный период развития русской литературы приобрел литературную «прописку» и утвердился не только как один из церемониалов Древней Руси, но и как источник ряда книжных произведений, является «Чин свадебный» [1], в котором представлено описание организации и проведения обряда бракосочетания.

Установлено, что чин сформировался к XVI столетию и тесно был связан с «Домостроем» [Там же] («По содержанию “Чин” близок к “Домострою”, но в текст “Домостроя” “Чин” не включался, хотя списки “Чина” обычно сопровождают списки “Домостроя”: тематическая и идеологическая близость двух памятников осознавалась средневековым читателем» [Там же. С. 588]). Как и любой документальный текст, свадебный «чиновник» давал четкие рекомендации по организации и проведению обряда с соблюдением всех необходимых условий, определявших подготовку к сватовству, выбор времени и места проведения бракосочетания, содержал описание одежд участников свадьбы, их речи, произносимые по ходу проведения обряда, и т.д. Однако видеть в «Чине свадебном» только лишь определенный устав, содержащий в себе перечень обязательных действий и речей участников, не совсем правильно. Исследования показали, что чин вобрал в себя огромный пласт фольклорного материала, правда, уже переработанного согласно законам книжной христианской культуры. Так, например, В.В. Колесов пишет: «Кроме множества остатков язычества, в поэтике “Чина” отражен также символический и образный мир средневекового общества. Текст памятника складывался постепенно и так же постепенно откладывались в нем следы разных периодов развития русской культуры» [1. С. 587]. В.В. Колесовым установлено, что, как и любой другой книжный памятник Древней Руси, «Чин свадебный» существовал в нескольких своих редакциях, отличавшихся друг от друга определенными признаками. «Некоторые варианты чрезвычайно кратки и совершенно безлики в отношении к социальной среде или

времени, когда происходили предполагаемые ритуалом события. Другие редакции наполнялись яркими подробностями и характеристиками, и тем самым «Чин» становился художественным произведением, по типу близким к народной сказке, да и по характеру совершенно народным – с анонимностью автора, с принципиальной возможностью дальнейшего восполнения текста, с характерным для средневековых народных произведений языком» [1. С. 587].

Яркость зрелищного и протяженного во времени (от 2–3 дней до 10) обрядового действия с характерными для него сюжетными линиями и с включением в обряд поэтического пласта, представленного лирическими песнями, позволяла использовать его и как источник беллетристических произведений, для которых сюжетобразующим выступал мотив женитьбы. Такими известными повестями в истории древнерусской литературы, в основе сюжета которых лежит традиция свадебного обряда, являются, например, «Повесть о Петре и Февронии Муромских» [2, 3. С. 11–17] (XVI в.), «Повесть о Тверском Отроче монастыре» (вторая половина XVII в.) [4]. В первом случае повесть строится на фольклорно-мифологических основаниях свадебного обряда [5], с помощью которых Ермолай-Еразм, автор повести, достигает своей цели: показывает торжество христианской добродетели – супружеской верности и любви. Во втором случае уже становится возможным проследить характер «взаимоотношения обряда и повествовательного текста» [4. С. 59], особенности их совпадения в сюжетных точках и расхождения, что и было продемонстрировано С.А. Семячко в специальном исследовании [Там же. С. 41–61] – «Повести о Тверском Отроче монастыре».

Вместе с тем литература XVII в. демонстрирует ряд повестей, сюжеты которых полностью тождественны схеме свадебного обряда и строятся в соответствии с ним. Образцом такой повести является «Повесть о женитьбе Ивана Грозного на Марии Темрюковне» [5]. По наблюдениям С.А. Семячко, в данном случае «между обрядом и текстом можно условно поставить знак равенства. В тексте мы найдем почти все элементы обряда в их традиционном порядке» [4. С. 60]. Таким образом, беллетристика Древней Руси в определенных случаях обнаруживает свою причастность к обрядовой традиции, использованной автором при достижении художественных целей.

В то же время «чиновники», как и любые другие жанры средневековой литературы, находились в подвижном состоянии и были подвержены трансформациям, связанным с функционированием обряда или светского церемониала. Не стал исключением и чин, регламентировавший проведение царской свадьбы, во второй половине XVII столетия он дважды претерпел изменения. Это возможно проследить на примере двух разных редакций свадебного чина, составленных по случаю бракосочетания Алексея Михайловича в 1648 и 1671 гг. Как известно, первая свадьба царя с Марией Ильиничной Милославской (16 января 1648 г.) полностью исключала всё, что могло быть связано с фольклорными традициями. В свадебном чине 1648 г. [6] «бесовские игранья, песни студные

сопельные и трубное козлогласование» были заменены духовными стихами, стихирами из Праздников и Триоди. Причины подобного «культурного аскетизма», проявившего себя во время совершения свадебного обряда, известны. Равно как известно и имя «цензора», по воле которого и была проведена существенная корректировка царской свадьбы, более всего напоминавшей церковную службу. Этим «идеологом» был протопоп Стефан Вонифатьев, сторонник реформирования всех сторон жизни в русском обществе конца 40-х гг. XVII в., духовник молодого царя, глава кружка «ревнителей благочестия» [7. С. 500–503], стремившийся к нравственному оздоровлению русского общества после Смутного времени и негативно относившийся ко всему тому, что противоречило или не соответствовало идее превращения Московского государства во вселенское православное царство.

Однако спустя почти четверть века ситуация кардинально изменится. Второе бракосочетание царя Алексея Михайловича, с Натальей Кирилловной Нарышкиной, будет совершаться уже по совершенно другому сценарию [8], свидетельствующему об иной «степени приобщённости к словесной культуре» и «о возвысившемся статусе слова, о том, что место слова в культуре заметно укрепилось» [9. С. 233]. Детальный анализ свадебного чина 1671 года, его текстологическое исследование, осуществленное Л.И. Сазоновой [Там же. С. 231–242], выявили не только новации в организации самого хода торжества 1671 г. (очередность совершаемых действий, их участники, описание места проведения), но и роль слова, звучащего на протяжении всего церемониала. «Придворный церемониал все больше насыщался текстами. Коммуникативной функцией наделены все церемониальные действия, растянувшиеся более чем на две недели. Здесь звучат и прямая, и косвенная речь» [9. С. 233]. В то же время свадебный чин 1671 г. содержит текст приветственной орации, обращенной к царю Алексею Михайловичу и принадлежащей перу Симеона Полоцкого [Там же. С. 239–242]. «Авторство Симеона Полоцкого в создании текста свадебного приветствия в Чине 1671 г. можно считать установленным» [Там же. С. 236]. Все эти отмеченные детали и выявленные новые факты работы над составлением свадебного чина 1671 г. свидетельствуют о том, что «чиновник» имеет и историко-литературное значение. Книжный памятник, принадлежащий эпохе переходного времени, помимо своей сугубо практической, утилитарной функции (представить подробное описание церемониала), выполняет и художественно-эстетическую функцию, о чем свидетельствуют и стилистика памятника, и особые риторические приемы, использованные в речах участников церемониала. Так, например, Л.И. Сазонова называет один из таких приемов, использованный в приветственной орации Алексеем Михайловичем, – параллелизация, позволяющая сопоставить событие из жизни царя с событиями священной истории, сравнить Алексея Михайловича с библейскими героями. В конечном итоге можно говорить о том, что «чиновник», изначально чисто документальный по своей природе жанр, приобретает литературные признаки, свойственные текстам переходного

времени. Из церковного обряда Чин свадебный 1648 г. трансформируется в текст, имеющий светскую направленность, обладающий признаками театрализации, с включением в общее действие церемониала торжественных орнаментальных речей его участников, с распределением их ролей в общем чине.

Литературность «свадебного чиновника» подтверждается и другими фактами. Так, например, торжественные приветственные орации, написанные Симеоном Полоцким и включенные им в общий ход чина, тематически совпадают с его же виршами, вошедшими в «Рифмологион» (1680 г.). Текстологический анализ ораций из свадебного чина и стихов из поэтического сборника, проделанный Л.И. Сазоновой, не только доказывает их принадлежность перу одного автора, но и подтверждает, что документальный текст (инструктивного, регламентирующего характера) в переходный период русской литературы вполне мог быть подвергнут литературной обработке и послужить источником для литературного сочинения, стать его основой.

Русская литература переходного времени дает возможность познакомиться с еще одним книжным произведением, в котором представлены авторская интерпретация свадебного чина, его свободное изложение, причем одновременно он используется как композиционный прием в оформлении и построении целой книги. Таким книжным памятником является сочинение Григория Котошихина «О России в царствование Алексея Михайловича» [10] (1666–1667 гг.), содержащее два варианта свадебного действия. Один вариант, размещенный в первой главе «О царех, о царицах, о царевичах, о царевнах», дает описание царской свадьбы, другой – в 13-й главе «О житии бояр, и думных, и ближних, и иных чинов людей» – знакомит с правилами организации и проведения свадебного обряда в народной среде.

Сразу отметим, что включение автором описания свадебных традиций в начало и в конец книги позволяет оценить это как особый композиционный прием, создающий кольцевое обрамление всего повествования. Отмеченный прием выполняет вполне конкретную функцию: с его помощью становится возможным создать целостную картину устройства русского общества середины XVII в. Рассмотрение церемониального действия позволяет показать все уровни русского общества: от царя до простого человека, занимающего низшую ступень социальной иерархии («...и чин той свадьбъ бываетъ противъ того жъ, какъ въ царской свадьбѣ написано» [Там же. С. 171]). В итоге описание свадебного чина, введенного в текст книги, помимо своей информативно-познавательной функции (Котошихин адресует сочинение европейскому читателю, именно для него он и пишет книгу о нравах, обычаях, традициях московского общества середины XVII в.), выполняет функцию сюжетостроения, являясь одним из основных элементов единого текста. Сопоставительный анализ начальной и финальной глав книги, содержащих описание русского свадебного чина, позволяет сделать вывод относительно той роли, которую играл церемониал в жизнестроительстве представителей различных социальных слоев русского обще-

ства. На примере свадебного обряда становится возможным умозаключение, которое служит проекцией на все повествование: ритуализованным формам жизни русского двора Котошихин противопоставляет описание повседневного быта простого человека. Важно отметить, что основным художественным приемом, на котором строится весь текст, является антиномия, привносящая в текст всего сочинения контрастность, зрелищность и эмоциональность в изображении отдельных фрагментов сочинения. И описание свадебного обряда является одним из таких примеров, который позволяет читателю составить целостную картину жизни русского человека середины XVII в., воспринять русский мир во всем его многообразии национальных традиций. Мир, воссоздаваемый автором в книге, предстает как с внешней, парадной, стороны, так и с внутренней – вскрывая остросюжетные линии интриг, разыгрываемых до и во время проведения свадьбы. Котошихина как книжника и автора сочинения интересует прежде всего внутреннее наполнение обряда, поскольку именно оно дает возможность показать характер человека, увидеть его истинное лицо, тщательно скрываемое за атрибутами торжественного церемониала. Именно поэтому Котошихин предельно сухо и лапидарно описывает внешнюю сторону царского свадебного обряда, приводя общие сведения о том, как и где проводится свадьба царя, кто в ней принимает участие, какова общая продолжительность торжества, в каких одеждах должны быть главные виновники праздника и приглашенные гости, какие блюда подаются на свадебный стол и описывая прочие детали, связанные с устройством всего свадебного чина. Однако эта документальная часть чина менее всего интересна с литературной точки зрения. Котошихин как протоколист (служба писцом в Посольском приказе вполне могла сформировать у него документальный стиль, которому он и следует) точен в описании составляющих свадебного церемониала, который он знает хорошо. Так, например, Котошихин действительно говорит о том, что царская свадьба не допускает какого-либо эмоционального буйства: «...а на дворѣхъ чрезъ всѣ ночи для свѣтлости жгутъ дрова на устроеныхъ мѣstechъ; а иныхъ игрѣ, и музыкѣ, и танцовѣ на царскомъ веселіи не бываетъ никогда» [10. С. 14].

Литературная, художественная ценность памятника проявляется в тех его фрагментах, где автор позволяет себе отойти от официальной темы и сделать своего рода отступление, имеющие уже сюжетное начало. Именно в этих случаях документальный текст, содержащий в себе описание свадебного чина, расцвечивается литературными элементами. Так, например, своеобразным прологом к детальному описанию царского свадебного чина, представленного с 11-й по 23-й статью первой главы «Сочинения...», является рассказ о несостоявшейся в 1647 г. свадьбе Алексея Михайловича с Евфимией Федоровной Всеволожской. Известное историческое событие из жизни молодого царя автором интерпретировано в средневековой книжной традиции как вторжение дьявольских сил в жизнь праведного человека, своими действиями приводящих его к страданиям и крушению благих

намерений. «И свѣдавъ царь у нѣкоторого своего ближнего человекѣ дочь, дѣвицу добру, ростомъ и красотою и разумомъ исполнену, велѣлъ взяти къ себѣ на дворъ и отдати въ береженіе къ сестрамъ своимъ царевнамъ, и честь надъ нею велѣлъ держати яко надъ сестрами своими царевнами, доколѣ збудется веселіе и радость. И искони въ Російской землѣ лукавый дьяволъ всѣялъ плевелы свои: аще человекѣ хотя мало придетъ въ славу и честь и богатство, возненавидѣти не могутъ. У нѣкоторыхъ бояръ ближнихъ людей дочери были, а царю объ нихъ къ женидбѣ ни объ единой мысли на пришла: и тѣхъ дѣвицъ матери и сестры, которые жили у царевенъ, завидуя о томъ, умыслили учинить надъ тою обранною царевною чтобъ извести, для того: надѣялися, что по ней возьметъ царь дочь за себя котораго иного великаго боярина или ближнего человека; и скоро то и сотворили, упоиша ея отравами» [10. С. 5, 6]. В небольшом по объему фрагменте, предшествующем детальному описанию свадебного чина, автору удалось показать обобщенный портрет московского двора и на фоне тех козней и интриг, которые умело плетѣтъ лицемерное окружение царя, контрастно представлен образ самого государя, тяжело переживающего произошедший случай. «Царь же о томъ велми печалень былъ и многа дни лишень был яди; и потомъ не мыслить ни о какихъ высокородныхъ дѣвицахъ, понеже позналъ о томъ, что то учинилося по ненависти и зависти» [Там же. С. 6].

В финальной 13-й главе сочинения Котошихина мотив обмана и подлога при сватовстве получит свое дальнейшее развитие, но теперь с его помощью представлены нравы сословий русского общества, находящихся на нижних ступенях социальной иерархии. Котошихин на обширном текстовом пространстве финальной главы (пять статей главы, начиная с 10-й) рисует картину обмана – распространенное явление при сватовстве. Это явление характеризуется им как распространенное в том случае, когда девица не лишена того или иного физического изъяна (хромота, немота, глухота и др.). В этих случаях применяются проверенные временем «технологии обмана» потенциального жениха в русском обществе: подмена убогой дочери здоровой («показываютъ другую или третью дочь» [10. С. 176]). «Также у котораго отца одна дочь дѣвица, а увѣчна будетъ чѣмъ нибуду худымъ, и вмѣсто еѣ на обманство показываютъ нарочно служащую дѣвку или вдову, назвавъ именемъ инымъ и нарядя въ платье в-ыное. А будетъ которая дѣвица ростомъ невелика, и подъ неѣ подставляють стулы, потому что видѣтца добродородна, а на чемъ стоитъ того не видѣтъ» [Там же. С. 177]. Последствия свадебного обмана раскрываются уже позже, после венчания, когда молодой супруг впервые видит избранницу в ее истинном облике, далеко от идеального женского образа: «...а какъ будетъ свадьба, и въ то время за того жениха по зговору выдаютъ они замужъ увѣчную или худую свою дочь, которые имя въ записяхъ своихъ напишутъ, а не

тоѣ, которую сперва смотрѣлицѣ показывали, и тотъ человекѣ женися на ней того дни въ лицо еѣ не усмотритъ, что она слѣпа, или крива, или что иное худое, или въ словахъ не услышитъ что она нѣма или глуха, потому что въ тое свадьбу бываетъ закрыта и не говоритъ ничего, также ежели хрома и руками увѣчна и того потомужъ не узнаетъ, потому что въ то время еѣ водятъ свахи подъ руки, а какъ отвѣнчався и отъ обѣда пойдетъ съ нею спать, и тогда при свѣчѣ еѣ увидитъ, что добрѣ добра, векъ съ нею жить, а всегда плакать и мучитца, и потомъ умыслитъ надъ нею учинить, чтобъ она постриглась; а будетъ по доброй его волѣ не учинитъ, не пострижется, и онъ еѣ бьетъ и мучитъ всячески...» [10. С. 176].

В итоге описание свадебного чина (статьи с 11-й по 23-ю главы I «О чину, какъ устраиваютъ свадебный чинъ» [10. С. 8–16]) выходит за пределы жанровой традиции документа и обретает черты и признаки сочинения с элементами публицистики, в котором автор создает обобщенный образ современника с присущими ему чертами характера. Благодаря этим особенностям сочинение Котошихина органично вписывается в литературный контекст своей эпохи, для которой свойственны секуляризация авторского мышления, поиск новых приемов в изображении героя и события, субъективность авторского взгляда на предмет изображения, введение в текст особых приемов, имитирующих непосредственную апелляцию автора к читателю, из чего создается эффект диалога двух субъектов речевого высказывания. Например: «Благоразумный читателю! Не удивляйся сему: истинная есть тому правда, что во всемъ свѣтѣ нигдѣ таково на дѣвки обманства нѣтъ, яко въ Московскомъ государствѣ» [Там же. С. 178]. Словом, сочинению Котошихина присущи те художественные особенности, которые традиционно относят к литературным процессам, имеющим переходный характер.

В рассматриваемом случае есть еще один момент, на который следует обратить внимание. Он связан с трансформацией чина (в данном случае свадебного) в текст, обретающий литературную, художественную природу. Весьма интересно то, что сочинение Григория Котошихина, содержащее в себе описание царского свадебного чина, по времени написания находится между двумя разными его редакциями 1648 и 1671 гг., ссылки на которые приводились выше. Такое положение дает возможность проследить, как в течение почти четверти века меняется представление автора о природе документального текста, об его литературном потенциале. В результате свободной авторской переработки текста чиновника и введения его в пространство другого текста он начинает восприниматься и оцениваться совершенно по-новому. Вполне очевидно то, что для автора он служит основой, базой для создания своего варианта текста. При этом изначальная форма документа не является сдерживающим фактором для творческих возможностей автора, которые проявляются при написании сочинения.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Чинъ свадебный* // Библиотека литературы Древней Руси / РАН. ИРЛИ; под ред. Д.С. Лихачёва, Л.А. Дмитриева, А.А. Алексеева, Н.В. Поньрко. СПб.: Наука, 2000. Т. 10: XVI век. С. 216–240.
2. *Мита Аюми*. Отражение свадебной обрядности в «Повести о Петре и Февронии» // Мита Аюми. Поэтика сюжета «Повести о Петре и Февронии»: автореф. дис. ... канд. филол. наук. СПб., 1997.

3. Дмитриева Р.П. «Повесть о Петре и Февронии». Подготовка текстов и исследование. Л.: Наука, 1979. 340 с.
4. Семычко С.А. Повесть о Тверском Отроче монастыре. Исследование и тексты. СПб.: Наука, 1994. 135 с.
5. Росовецкий С.К. Повесть о женитьбе Ивана Грозного на Марии Темрюковне // Памятники культуры: Новые открытия: письменность. Искусство. Археология: Ежегодник. 1975. М.: Наука, 1976. С. 27–37.
6. Чиновный список («чиновник») свадьбы царя Алексея Михайловича с Марьей Ильиничной Милославской // РГАДА. Ф. 135. Государственное древлехранилище хартий и рукописей. Отд. IV. Рубр. II. № 23. Л. 1–145.
7. Ромодановская Е.К. Стефан Вонифатьев // Словарь книжников и книжности Древней Руси. Вып. 3 (XVII в.). СПб.: Дмитрий Буланин, 1998. С. 500–503. Ч. 3.
8. Чиновный список свадьбы царя Алексея Михайловича с Натальей Кирилловной Нарышкиной, дочерью дворянина Кирил. Полуект. Нарышкина // РГАДА. Ф. 135. Отд. IV, рубр. II. № 28. Л. 1–106.
9. Сазонова Л.И. Свадебное приветствие царю Алексею Михайловичу в Чине бракосочетания (1671 г.) // Поэтика русской литературы в историко-культурном контексте. Новосибирск: Наука, 2008.
10. Котошихин Григорий. О России в царствование Алексея Михайловича. СПб., 1884. 3-е изд.

Статья представлена научной редакцией «Филология» 17 сентября 2014 г.

DOCUMENTARY TEXTS IN THE LITERARY TRADITION OF THE TRANSITIONAL PERIOD (ON THE EVOLUTION OF THE DOCUMENTARY GENRE IN THE LITERARY AND HISTORICAL ENVIRONMENT OF THE SECOND HALF OF THE 17TH CENTURY)

Tomsk State University Journal, 2014, 388, pp. 42–46. DOI: 10.17223/15617793/388/7

Shunkov Aleksandr V. Kemerovo State University of Culture and Arts (Kemerovo, Russian Federation). E-mail: alexandr_shunkov@mail.ru

Keywords: Russian literature of the second half of the 17th century; documentary genre and literature; poetics of Old Russian literature; the author beginning in the ancient Russian literature.

The article is devoted to the interaction of documentary and literary beginnings in Russian booklore in the 17th century. The object of study is a special booklore genre of Ancient Russia – "ceremonials", in a particular case, "wedding ceremonial" that contains a detailed description of the wedding ceremony. The article considers how the documentary genre acquired art features during the historical and literary processes of the transitional period on the example of the literary monuments of the 17th century. The author pays particular attention to the literary composition by Grigory Kotoshikhin "On Russia during the Reign of Alexey Mikhailovich" (1666–1667), previously not widely investigated by the domestic medievalists. However, the literary monument of the transitional period taken for the research allows tracing the interaction of two traditions: documentary and literary in the framework of the author's text. At the same time, the conducted analysis shows the creative evolution of the author's ideas about the nature of the documentary genre. Ritual text serves the author as a basis for building the plot of his own work and does not hold back his creative possibilities. In this regard, Grigory Kotoshikhin's work is significant and fits well into the processes that took place during the transitional period in the development of Russian literature. While considering the work, the comparison of two variants of "wedding ceremonial" is emphasized that the author introduced – the royal wedding ceremony and the folk tradition of wedding celebration. The comparison reveals individual artistic techniques the author introduced in the text of originally documentary nature. Resulting the creative work made by the author in his essays based on the perception of the Western reader, the literary monument goes beyond the genre tradition of the document and finds the characteristics and attributes of the work with elements of journalism, in which the author creates a generic image of a contemporary, with his characteristic traits. Due to these peculiarities, Grigory Kotoshikhin's work fits the literary context of the epoch. The epoch was characterized by secularization of the author's thinking, searching for new techniques in the image of character and events, the subjectivity of the author's view on the subject of the image, introduction of special techniques to the text that simulated a direct address to the reader, which creates the effect of a dialogue between two subjects of the verbal expression.

REFERENCES

1. *Chin svadebnyy* [Wedding ceremonial]. In: Likhachev D.S., Dmitriev L.A., Alekseev A.A., Ponyrko N.V. (eds.) *Biblioteka literatury Drevney Rusi* [Library of Ancient Rus Literature]. St. Petersburg: Nauka Publ., 2000. Vol. 10, pp. 216–240.
2. Mita Ayumi. *Poetika syuzheta "Povesti o Petre i Fevronii"*. Avtoref. dis. kand. filol. nauk [Poetics of the story "The Tale of Peter and Fevronia". Abstract of Philology Cand. Diss.]. St. Petersburg, 1997.
3. Dmitrieva R.P. *"Povest' o Petre i Fevronii". Podgotovka tekstov i issledovanie* ["The Tale of Peter and Fevronia." Preparation of texts and research]. Leningrad: Nauka Publ., 1979. 340 p.
4. Semyachko S.A. *Povest' o Tverskom Otroche monastyre. Issledovanie i teksty* [The Tale of the Page Monastery of Tver. Research and texts]. St. Petersburg: Nauka Publ., 1994. 135 p.
5. Rosovetskiy S.K. *Povest' o zhenit'be Ivana Groznogo na Marii Temryukovne* [The Tale of the marriage of Ivan the Terrible and Maria Temryukovna]. In: Likhachev D.S. (ed.) *Pamyatniki kul'tury: Novye otkrytiya: pis'mennost'. Iskustvo. Arkheologiya: Ezhegodnik. 1975* [Monuments of Culture: New Discoveries: writing. Art. Archaeology: Yearbook. 1975]. Moscow: Nauka Publ., 1976, pp. 27–37.
6. *Chinovnyy spisok ("chinovnik") svad'by tsarya Alekseya Mikhaylovicha s Mar'ey Il'ichnoy Miloslavskoy* [Ceremonial list of the wedding of Tsar Alexei Mikhailovich and Maria Ilinichna Miloslavskaya]. Russian State Archive of Ancient Acts (RGADA). Fund 135. Dep. IV. Rubr. II. No. 23. Lists 1–145.
7. Romodanovskaya E.K. *Stefan Vonifat'ev*. In: *Slovar' knizhnikov i knizhnosti Drevney Rusi* [Dictionary of scribes and literature of ancient Russia]. St. Petersburg: Dmitriy Bulanin, 1998. Issue 3, pt. 3, pp. 500–503. (In Russian).
8. *Chinovnyy spisok svad'by tsarya Alekseya Mikhaylovicha s Natal'ey Kirillovnoy Naryshkinoy, docher'yu dvoryanina Kiril. Poluekt. Naryshkina* [Ceremonial list of the wedding of Tsar Alexei Mikhailovich and Natalya Kirillovna Naryshkina, the daughter of a nobleman Kirill Poluektovich Naryshkin]. Russian State Archive of Ancient Acts (RGADA). Fund 135. Dep. IV. Rubr. II. No. 28. Lists 1–106.
9. Sazonova L.I. *Svadebnoe privetsvie tsaryu Alekseyu Mikhaylovichu v Chine brakosochetaniya (1671 g.)* [Wedding greet of Tsar Alexei Mikhailovich in the wedding ceremonial (1671)]. In: Pokrovskiy N.N. (ed.) *Poetika russkoy literatury v istoriko-kul'turnom kontekste* [The Poetics of Russian literature in historical and cultural context]. Novosibirsk: Nauka Publ., 2008, pp. 233–243.
10. Kotoshikhin Grigoriy. *O Rossii v tsarstvovanie Alekseya Mikhaylovicha* [Russia in the reign of Alexei Mikhailovich]. 3rd edition. St. Petersburg, 1884.

Received: 17 September 2014